

Владимир Даль

Крещенский сочельник

— Бабушка, сегодня, няня говорит, опять сочельник, можно нам с Мишей...
— Постничать? Можно и должно, — сказала бабушка, — но сочельничать со мной не сможете.

— Бабушка, душенька, позволь, ты увидишь, что сможем, нам так хочется!

— Саша, детям обыкновенно хочется более того, что они могут исполнить; послушай, дружок мой, — говорила старушка, притягивая девочку к себе за руку, — пока ты мала, то хоти и желай исполнять обряды наши, это хорошо, когда же вырастешь и будешь здорова, то исполняй их, по силе своей: постись, сочельничай, ходи в церковь, ставь свечку, подавай вынимать просвиру; во всем этом, когда подрастешь, поймешь высокий смысл. Теперь же, пока ты мала, то желай и думай: когда вырасту, стану то и то делать и сочельничать.

— Нет, душечка, бабушка, позволь теперь, — говорила внучка, вертясь от нетерпенья, — я и Мишу позову, и мы с тобой вместе станем сочельничать.

С этими словами она убежала и чрез минуту послышалась их общая топотня и голос Миши: «И я хочу, я также буду с тобой и с бабушкой!» Дети вбежали, держась за руки и говоря в один голос: «позволь, милая бабушка!»

— Да вас стошнит, дети!

— О нет, мне ничего! Папа часто опаздывает к обеду, а меня не тошнило!

— Дети, сколько раз вы до обеда едите, — спросила старушка, и стала насчитывать: — Чай пьете?

— Да!

— Завтракаете?

— Да, но мы сегодня не хотим чаю, — отвечали дети, — а завтрак часто бывает не вкусный!

— Послушайте, вот мы что сделаем, говорила бабушка, — так как сочельник более для взрослых, чем для маленьких, то вы будете сочельничать на половину.

— Как это? — спросил Миша, вскидывая голову и глядя прямо на бабушку.

— А вот как: завтракать вы не станете, а чай свой принесите сюда, его выпьете на место завтрака.

Саша была в нерешимости соглашаться ли на такую сделку; но Миша удовлетворился ею, и затопав лошадкой, побежал за своей чашкой, и девочка увлеклась его примером. Няня внесла чашки и корзинку с постным хлебом, и поставила на стол, покрыв салфеткой.

— Теперь, дети, пока ступайте, сказала бабушка, у меня есть дело, а к завтраку приходите.

— Хорошо, бабушка!

— Миша, как я рада, — говорила Саша, подпрыгивая по коридору. — Мы тоже сочельничаем; нет полусочельничаем, — поправилась девочка. Часа чрез два Миша вбежал к бабушке, с вопросом: не пора ли завтракать?

Чрез четверть часа Саша тихонько постояла на пороге перед бабушкой, но старушка не подымала глаз с большой темной книги, которая лежала перед нею, и девочка ушла. Немного погодя, Миша закричал в дверь: не пора ли нам кушать?

– Нет еще, – отвечала старушка. Чрез полчаса вошла тихонько задумчивая Саша; она была бледнее обыкновенного. Бабушка перевернула листочек книги, и поглядела на внучку.

– Ну, что, Саша, тебе есть хочется?

– Хочется, – тихонько проговорила девочка, опустя голову.

– Пожалуй, завтракайте сегодня получасом ранее; погляди-ка, дружок, есть ли половина двенадцатого?

– Есть, есть, бабушка! Даже две черточки перешли за полчаса, сказала Саша, водя пальцем по стеклу: – Миша! – закричала она, а Миша уже давно поджидал у дверей. Друг перед другом, торопясь, усаживались они за чай.

– Бабушка, вы позволите нам еще по кусочку? Ведь мы завтракать не станем, – сказал Миша.

– Хорошо, кушайте, однако скажите-ка мне, правду ли вам бабушка говорила, что маленькие не могут сочельничать?

– Правда! – сказали дети.

– Знайте же и помните, что бабушка никогда не обманывает, всегда говорит правду.

Слово это пришлось впору, и с этого дня дети приходили к бабушке советоваться во всех спорных делах. «Бабушка знает, я бабушку спрошу, бабушка всегда говорит правду,» – толковали дети между собой.

– А можно туда, к бабушке, послышалось несколько детских голосов, и в комнату вбежало трое: Мери впереди, двое братьев ее, Сережа и Алеша за нею; поднялась суматоха, объятия, поцелуи, шум, смех: Дети эти были также внуки старушки, только не родные, а двоюродные, дети ее родного племянника.

– Мери, Мери, а мы сочельничаем, я сочельничаю, Мери, – кричал Миша, торопясь прожевать хлеб.

– Ты как сочельничаешь? – спросила шестилетняя девочка, не понимавшая этого слова.

– Ничего не ем до вечера, – важно отвечал Миша.

– Нет, – перебила Саша, толкуя его слова, – мы полусочельничаем.

Малютка стояла вытараща глаза, она ничего не понимала, тем менее, что входя видела, как дети ели.

– Мишенька, – громко сказала бабушка, – а что я тебе сказала о сочельнике?

И сама же старушка отчетливо и ясно повторила, что маленькие и слабые сочельничать не могут, а потому и не должны, это не по силам их.

– Это, прибавила она, – ты сегодня сам на себе испытал; но, как малый, так и большой должен удерживаться от того, от чего в силах воздержаться, например: хвастать чем бы то ни было никуда не годится, и от этого всякий, то захочет может удержаться. Так ли, Сереженька? – спросила старушка, заметя вниманье старшего своего внука.

– Я думал теперь о том, о чем вы говорите, бабушка, только это трудно, очень трудно, все думать, да обдумывать, как бы чем не похвалиться; ведь если все передумать, – продолжал мальчик с расстановкой, то выйдет, что многое делаешь из-за похвалы.

Старушка с видимым удовольствием слушала Сережу, потом взяла его голову обеими руками, крепко поцеловала в лоб, и пристально глядя в разумные глаза ребенка, сказала:

– В том-то и дело каждого человека, чтобы всегда помнить и делать должное. Привыкать же к этому надо сызмала; вот хоть ты теперь, ты знаешь, что хвастать не

должно, ну и будешь остерегаться, а когда отвыкнешь от этого, то задашь себе другую задачу, например: делать должное так, чтобы оно людям в глаза не бросалось, и тебя бы не хвалили за то, что ты делаешь свое дело.

– Да что ж это! Пойдемте играть, – кричала соскучившаяся Мери, таща то того, то другого; – А знаете, – продолжала она, – у нас скоро будут гости, только без кукол!

– Ах, да, Саша, ты знаешь, что придумала Мери? – сказал Алеша.

– Что, что? – живо спросили маленькие хозяева.

Алеша покатился со смеху.

– Она хочет пригласить гостей с тем, – сказал он, – чтоб они приехали в штопанных платьях!

– Алеша! – закричала малютка, бросаясь к брату.

– Право так, – говорил он.

– Алеша! – кричала девочка, зажимая ему рот.

– Это она все за Лину заступается, – говорил мальчик, увертываясь от маленькой ручонки, – а мама говорит: что же делать тем, у кого нет рваных платьев, – тому как быть?

– Саша, Миша! Вы его не слушайте! – торопилась перебить Мери, – Я сказала: мне не нужно, чтобы гости мои были разряжены, пусть приедут в старых платьях!

Бабушка, слышавшая о случившемся с Линой на кукольном вечере, поняла в чем дело, и сказала:

– Ты, Мери, вот что сделай: сама оденься попроще, ну и самых близких попроси о том же, а охотницам до нарядов ничего не говори, щеголих у тебя будет наполовину, а другая половина оденется просто, так что между ними и Лиина не будет отличаться.

Этот совет очень понравился Саше, и она, прыгая перед старушкой, сказала:

– Бабушка, позволь мне самой с Мери выбрать из моих платьев то, которое я тогда надену.

– Идите, выбирайте что хотите, только, чур, не комкать.

И вся стая запрыгала и понеслась в детскую. Через час красные, запыхавшиеся дети опять вбежали к старушке.

– Ах, мои голубчики, да как вы умаялись! – сказала она, глядя на внучат.

– Бабушка, я хочу им показать мою дочку!

– Нельзя, дружок, я сейчас была там, она и мама твоя обе спят.

Дети переглянулись, как бы советуясь, что им теперь делать, чем заняться.

– Ах да, бабушка, няня хотела у тебя проситься за богоявленской водой, это какая вода? – спросила Саша.

– Та, которую сегодня святят за вечерней, – сказала старушка, – до нее ничего не едят, сочельничают; когда выпьют этой воды, тогда начинают есть.

Саша вдруг вспомнила рождественский сочельник, как бабушка с нею говорила, как ей было хорошо сидеть, приютившись к старушке.

– Бабушка, милая, расскажи нам про сочельник, помнишь, как тогда!

Бабушка, посмотрев на детей, сказала:

– Трудновато говорить с вами, детки; вы все неровни: Сережа и Алеша знают Священную историю, Мери с Мишей ничего не знают, и не понимают, а ты, Саша, только некоторые картинки запомнила.

– Бабушка, ты как тогда говори – я все поняла!

– Ну, друг мой, ведь рассказ на рассказ не придется; однако, пожалуй, попробую.

Все захлопали в ладоши; дети любят слушать, умели бы только с ними говорить. Бабушка посадила Мери к себе на колени, Сашу в ноги, на скамеечку, мальчишкам позволила сесть на ковер, и, принаравливаясь сколько можно к понятию детей, начала:

– Ну, Саша, скажи нам, какая картинка крещение Господне? На Иордане, – прибавила бабушка, видя, что девочка задумалась.

– Ах, это на реке-то! Вот стоит один на берегу повыше.

– Иоанн Креститель, – подсказал Алеша.

– Да, Иоанн Креститель, у него палочка перевязана поперек крестом и кончики висят длинные, длинные, он зачерпнул в чашечку водицы и льет ее на голову...

– Господа...

– Алеша, да я сама знаю, – нетерпеливо отозвалась девочка, – и льет на голову Господа Иисуса Христа, а Он по колени в воде стоит, а над головой у него птичка...

– Голубь, – не утерпев подсказал Алеша.

Мери взяла бабушку за обе щеки, и она теперь также вспомнила картинку, и ну целоваться говоря: «Я это также знаю, я все это знаю».

– Перестань, Мери, нетерпеливо перебил ее Сережа.

– Ну, так слушайте: Иоанн Креститель был пророк: ты помнишь, Саша, что я говорила тебе о пророках? – Но видя, что девочка задумалась, бабушка продолжала: – пророками назывались такие люди, которых Господь выбирал для того, чтобы учить людей и наставлять их в том, что заповеди даны им не для того, чтобы их прятать в золотой ковчег и затверживать их попугаями, но чтобы исполнять их приказания. Такой пророк был Иоанн, прозванный Крестителем.

– Бабушка, – спросил Алеша, его прозвали Крестителем за то, что он крестил?

– Да, дружок мой, – отвечала та.

– Послушай, бабушка, – несколько робко спросил Алеша, за что же его прозвали так, ведь не он один, как все священники крестят?

– Ах, Аничка, здравствуй! – кричали, дети, здороваясь с вошедшею сестрицей.

– Сядь сюда! Нет, сюда, ко мне, к нам! – кричали они, сторонясь друг перед другом, чтобы дать место общей любимице своей.

– Садись-ка, дружок, подле меня, – сказала бабушка, – да помоги-ка мне рассказать им о крещении Господнем: вы друг друга лучше понимаете. Затем, обратясь к Алеше, она продолжала:

– Да, теперь, после Иоанна Крестителя, крестит каждый священник, но до него никто не крестил; он первый ввел этот обряд, и невидимое для нас дело, покаяние человека, обрядил, т. е. одел, в видимый обряд омовения водою.

– Бабушка, это что такое – покаяние? – спросила Саша, пристально глядя на бабушку.

– Да, вот поди, толкуй с вами! – сказала бабушка, потрянув головой; потом, подумав немного, спросила внучку: – Ты, дружок, когда нашалишь, а потом, поняв, что огорчила папу и маму, ты что то да делаешь?

– Что же, бабушка, я тогда прошу прощенья!

– Ну вот, это-то самое, когда пожалеешь, что дурно сделала, да идешь просить прощенья, это и зовется у людей раскаянием, а раскаяние перед Богом называется покаянием. Поняла ли, Саша?

– Да, поняла, – задумчиво сказала девочка, а потом прибавила: – Когда я у папы прошу прощенья, это значит: я раскаиваюсь; когда же прошу прощения у Бога, что я...

– То ты каешься, – подсказала старушка, заметив, что девочка не сладит со словом «покаяние».

– Бабушка, – спросила Мери, – Бог слышит, когда у Него просят прощения?

– Слышит, и прощает, если видит, что люди, каюсь, хотят исправиться.

– Послушай-ка, бабушка, – начал Миша, протираясь к старушке, – ты мне скажи вот что: разве большие также каются? Ведь большие не шалят?

– И не шалят, да грешат, дружок, то есть, грешат, не делая того, что Господь велит. Вот и в то время, когда жил Иоанн, народ очень грешил: хотя иудеи и писали приказания Божьи у себя на дверях, чтобы всегда видеть и помнить их, но это обратилось у них в один обычай, а исполнять заповедей они не исполняли. Св. Иоанн, живя в степи, в пустынном месте, около Иордана, говорил проходящему к нему народу: «Опомнитесь, бросьте дурную жизнь, покайтесь и принесите плоды достойные покаяния: вы живете, как бесплодные деревья, которые напрасно растут; но берегитесь за такую жизнь вашу – наказание близко, секира (топор) лежит у корня дерева, бесполезное дерево скоро будет срублено». Вы видите, дети, что он говорил не так просто, как говорим мы; он уподоблял людей деревьям, полезные дела – плодам, наказание – секире; таким языком говорят на Востоке все азиатские народы; слово Божие писано на Востоке же, а потому и писано притчами и уподоблениями. Мало того, что восточные жители говорят иносказательно, но они часто речи свои подкрепляют или изображают делом, и это-то иносказательное дело или действие мы называем обрядом; например: ты, – Сережа, верно помнишь, что сказал Пилат, когда народ требовал осуждения Господа?

– Помню, – отвечал Сережа, – он сказал: «Я невинен в крови Праведника Этого».

– Ну, а что Пилат еще при этом сделал? – спросила старушка.

– Он велел подать воды и умыл, при народе, руки свои.

– Вот это-то дело и было уподобительным, обрядливым; понимаешь ли ты, дружок?

– Да, – сказал мальчик, не сводя глаз с бабушки. Этим иносказательным умовением рук, Пилат подтвердил слова свои о чистоте и невинности своей в деле осуждения Иисуса Христа. Иоанн, призывая народ к покаянию и очищению от греха, наставлял его, уча доброй жизни, и потом, в знак очищения от греха, омывал кающихся водою. Обряд крещения, несколько измененный, перешел и к нам.

– Заметь, Сереженька, – сказала бабушка, обращаясь к внуку, как к старшему из детей, – заметь и помни, дружок, что наша христианская церковь основалась на Востоке, и что вся внешность ее в том же иносказательном духе, о котором я сейчас говорила: обряды, служба, одежда, даже утварь церковная, все это уподобительно, все включает в себе высокий духовный смысл, который, к сожалению, немногим известен.

– Отчего неизвестен? – живо спросила Аня.

– Оттого, что иные не могут, а другие не заботятся понять его, – отвечала старушка, глядя в глаза внучке; ей отрадно было следить за сочувствием ребенка.

– Бабушка, – хотела что-то спросить Аня.

– Постой, постой, дружок, – перебила ее старушка, – с тобой поговорим когда-нибудь на особицу, а теперь дай кончить о Крещении и о богоявленской воде. Слушайте же, детки: Иоанн Креститель поселился, как я уже вам сказала, в пустыне, народ сходил к нему отовсюду, иные из усердия к святому человеку, другие из любопытства, посмотреть на пустытника и послушать его дивных речей. Он говорил народу: «Кто вразумил вас бежать от наступающего гнева? Уже и секира

лежит при корне дерева, всякое дерево, не приносящее хорошего плода, будет срублено и брошено в огонь; после меня придет Тот, Кто сильнее меня, Кому я недостойн нести обувь Его. Я крещу вас водою покаяния, Он же будет крестить Духом Святым и огнем. Лопата в Его руке, и Он очистит гумно свое и соберет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем». Так говорил он, и в народе пробуждалось темное предчувствие чего-то близкого, великого; понимая притчу Иоаннову, народ размышлял: обувь – это низшее, последнее в одежде; если же и святой муж недостойн понести обувь Того, Кого он возвещает, то что же это будет? Народ понимал также, что пшеницею называл он добрых и полезных людей, а соломою пустых тунеядцев; что гумно иносказательно представляет мир, где люди полезные перемешаны с бесполезными, как зерно с мякиной, и что Иоанн ждет Господина гумна. Однажды утром, когда он крестил и толпы народа собрались на берегу Иордана, он вдруг увидел вдали идущего к нему Иисуса; пророк душой своей узнал Господа и в восторге, подымая высоко руки, закричал народу: «Вот Он! Вот Агнец Божий, взимающий на себя грехи мира! Вот Тот, о Ком я говорил: после меня придет Тот, Кто сильнее меня!»

– Бабушка, бабушка, я видел это! – радостно закричал Сережа. – Иоанн и рукой, и крестом указывает народу на Господа!

Дети в изумлении смотрели на раскрасневшегося мальчика, бабушка также, поглядев на него, спросила:

– Ты во сне видел это, дружок?

– Нет, не во сне, я видел картину Иванова, явление Господа народу! Ах, бабушка, как хорошо! Иоанн точно живой, точно громко говорит народу, а Господь идет вдали, тихо, тихо, один одинешенек так хорошо, точно спереди картины шумно, а там, вдали около Господа, так тихо! Алеша, ты помнишь, мы вместе ходили смотреть, – спросил Сережа брата.

А Алеша уж давно припоминал что-то, и сказал: – А, а, это где жиденок-то, из воды вылез, и озяб?

– Да, да, – подтвердил Сережа.

– Ну помню, помню: Иоанн Креститель точно мехом обернут, сам такой высокий!

– Так вот, дети, – перебила их бабушка, – Господь Иисус Христос, Который сошел на землю, и нам в пример прожил с людьми земную жизнь, Сам на Себе подтвердил обряд крещенья, т.е. Сам крестился от Иоанна, который сначала отказывался, говоря: «Не Тебе у меня, а мне следует у Тебя креститься!» Но затем исполнил волю Господню, который сказал: «Так тому быть должно». И когда Господь крестился, то Иоанн видел духом своим небо открытое и Духа Господня, Духа любви, кротости и чистоты, в земном виде, в образе самого кроткого и чистого животного, голубя, летавшего над Господом.

Саша, сидевшая в ногах на скамеечке, вдруг потянулась через Мери к бабушке, говоря:

– А как же это, помнишь, ты говорила о барашке, что он самый добрый?

– Да, Саша, я говорила и теперь скажу, что между зверьми, барашек, ягня, или по-славянски агнец, есть самое смиренное и доброе животное, а между птицами, голубь: потому-то они оба и означают, на языке притч или иносказаний, кротость и чистоту. У нас, на полурусском, гостинном языке, иносказание или притчу зовут аллегориею, а самые образы иносказаний, как, например, здесь ягня и голубя, эмблемою. Вот вам несколько подобных примеров иносказаний: лев, как самый сильный из зверей, есть представитель, эмблема или образ силы; волк – образ

хищности; лиса – хитрости; собака – верности; свинья – невежества и нечистоты. Говорят, у древних на Востоке не только звери, птицы и рыбы, но даже каждый цветок имел свое особое значение! Там еще и доныне сохранился язык цветов, который, может быть с переменами и прибавками, отчасти дошел и до нас; например: роза – образ красоты; фиалка, – скромности; лавр – мудрости и славы; мирт – образ любви; полынь – горькая неправда и пр. У языка образов или иносказаний было свое письмо, которое у древних называлось иероглифами. Иероглифы, письменные знаки древних, по сию пору уцелели на камнях и пирамидах египетских, но, не зная языка этого, мы не понимаем и знаков его.

– Бабушка, я слышал от дяди, что есть ученые, которые разбирают иероглифы, – сказал Сережа.

– Да, дружок, и самый замечательный из них Шамполион; он говорит, что у египтян иероглифы были различные; древнейшие те, что называются символическими или картинными, там каждое изображение имело несколько смыслов. Вот, например, – и старушка, взяв карандаш, начертила кружочек, с точкой, по средине, – вот этот знак представлял солнце, и свет его, и день, и жизнь природы, так как ничто не может жить без солнца; отвлеченно же, знак солнца означает свет разума и тепло любви. Ну, да что об этом говорить, вам этого еще долго не понять, – сказала старушка, усмехнувшись на своих слушателей и на непосильные для них рассказы.

– Нет, бабушка, душечка, нет, рассказывай! – кричала Саша, показывая бабушке лоскуток бумаги, на котором она сама начертила кружок с точкой по середине. – Вот, когда кто напишет этот кружочек, то это все равно, что написать: с-о-л-н-ц-е.

– Да, – сказал Сережа, – и оно же значит: свет и тепло.

– Ах, как славно! – вскричала Саша, хлопая в ладоши. – Бабушка, душечка, скажи еще что-нибудь, а я нарисую и подпишу то, что оно будет значить!

– Ну, пиши молодую луну, вот так; и старушка очертила пол круга двумя кривыми чертами; это значит и месяц и ночь и, свет без тепла, ведь месяц не греет, так ли? – Дети молча кивнули головою.

– А вот, круг с двойным крестом посередине, представляет землю, создание; эти же три зубчатые черточки, одна над другою, как волны, означают воду, а кувшинчик, из которого зубчиками льется вода, значит омовенье, очищенье; а вот нарисуй весы – весы и по ныне означают: правду, правосудие, – и бабушка, наклоняясь над Сашей, начертила ее рукой весы. – Вот это и по древнему: суд и правда; теперь нарисуй-ка глаз, и подпиши под ним: зрение и понимание; потом начерти ухо, и подпиши: слух и послушание, и проч.

Оказалось, что ухо Саша не умела рисовать; многие из детей брались помогать ей, но покончил Сережа.

– Да это чудо как весело, – говорила Саша, носясь с разрисованной бумажкой. – Мы с Лизой все так станем играть!

Мери потянулась посмотреть на бумажку, но, не понимая в чем дело, нашла, что картинка не на столько хороша, чтобы долго ею забавляться.

Видя, что мысли детей разбрелись, и желая, чтобы рассказ ее не рассеялся без следа, старушка захотела собрать коротенькие нити детских мыслей в одно, и потому обратилась к началу разговора.

– Что значит, Саша, Божьявляющаяся вода, за которою собирается идти твоя няня?

Саша, посмотрев поочередно, то на бабушку, то на детей, в недоумении отвечала:

– Не знаю, ты кажется об ней ничего не рассказывала.

– Нет, я еще не дошла до нее, но сейчас доскажу. Накануне праздника Крещения, т.е. в крещенский сочельник, за вечерней, святят воду, опускают в нее крест, в память того, что Господь на Иордане Сам входил в воду и тем ее освятил, и затем, освященную воду эту зовут богоявленской. В крещенский сочельник мы сочельничаем до этой воды, как в рождественский – до первой звезды. У нас установлено праздновать каждый год все самые замечательные случаи из земной жизни Господа, и эти праздники называются Господними. Ах, дети мои, – заключила бабушка тем же, чем начала рассказ, трепля и целуя детей, – трудно говорить с вами, с такими неровнями!

– Мы все поняли, – весело сказал Алеша, сознавая в себе новые понятия, вследствие разговора с бабушкой.

– Ты не бойся, бабушка, – говорил Миша, карабкаясь на диван, хватая и обнимая старушку: – мы с Сашей все поняли, мы знаем, что Бог был на земле такой добрый, как барашек и голубок.

– И вам велел быть такими же, – промолвила старушка, – будьте кротки, как голуби, говорил Он, уча людей.

– Бабушка, – спросил Алеша, – а те люди, которым говорил Господь, сказали это другим людям, а те люди еще другим, а те другие, – говорил мальчик, прокачивая головой в меру, – сказали твоей бабушке, а ты уж нам рассказала, да? Так ведь?

– Было, пожалуй, и так, – сказала старушка, смеясь Алешиной догадке, – такой рассказ от бабушки к внучке называется преданьем; но преданье не всегда бывает верно, а вернее дошли до нас слова Господни чрез учеников Его, которые записали все, что Он делал и говорил на земле, и поместили вот в этой книге, – сказала старушка, указав на большую толстую книгу, лежавшую на столе, – эта книга называется Евангелием.

– Так твоя книга Евангелие, – протяжно сказали Саша с Мишей, – ты бабушка покажи ее нам когда-нибудь.

Пока Саша договаривала эти слова, лицо ее вдруг засветилось радостью, губы улыбались: видно было, что ее тешила какая-то приятная мысль. Бабушка, с легкой улыбкой, пытливо глядела на девочку. «Ну», – сказала старушка, ободряя Сашу высказать свое чувство. Улыбка совсем расцвела, и Саша, полно вздыхая, сказала:

– Быть может, моя дочка будет такая же хорошая и добренькая, как барашек!

Сережа, потянув Сашу, посадил ее к себе на колени и сказал:

– Ты знаешь что сделай: ты проси бабушку читать тебе из той книги, а потом учи Лину тому, что там написано!

– На мгновенье девочка задумалась: она вникала в слова брата; потом, взглянув на бабушку, ласково припала к ней головкой и тихонько спросила: «Да?» – и на одобренный знак старушки она еще крепче обняла ее, говоря:

– Моя хорошая бабушка, как я люблю тебя!

– И я! – вскричал Миша.

– И мы, и мы также! – говорили дети, теснясь около старушки.